

Валерий Леонидович ВАСИЛЬЕВ

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Россия, Великий Новгород)
vihnt@mail.ru

Структурные типы гидронимии Русского Северо-Запада в сравнении с типами Верхнего Поднепровья (сегмент имен с финалью -а)¹

Под Русским Северо-Западом понимаются здесь центральные владения древних Великого Новгорода и Пскова, связанные преимущественно с бассейнами рек и озер Северо-Восточной Балтики и отчасти с Верхневолжьем (реки Великая, Нарва, Нева, Ловать, Мста, Волхов, Шелонь, Луга, Сясь, Молога, озёра Чудско-Псковское, Ладожское, Ильмень и Селигер). Эти земли почти сопредельны обширному Днепровскому бассейну, их разделяет только неширокая полоса верховий Западной Двины в Тверской, Смоленской и Витебской областях. И Русский Северо-Запад (далее — РСЗ), и бассейн Днепра, особенно Верхнее Поднепровье с притоками Припятью и Десной к северу от Киева (далее — ВП) являются регионами, рано освоенными славянами. С этноисторической точки зрения регионы РСЗ и ВП (см. ниже карту) образуют вместе широкую зону ранневосточнославянской колонизации Восточной Европы, протянувшуюся с запада на восток от Галиции и Волыни до окрестностей Киева и далее на север до Ладожского озера и Финского залива Балтийского моря [Васильев 2012: 671–672]; ранее контуры этой поясной зоны были намечены Н. И. Толстым [1977: 49–50]. Безупречный анализ черт древненовгородского диалекта, проведенный В. Б. Крысько [1998], подтверждает восточнославянский генезис говоров населения РСЗ, пришедшего в будущие новгородско-псковские земли с юга — из региона ВП. Одним из главнейших маркеров верхнеднепровско-новгородско-псковской поясной зоны является заметная концентрация в этом пространстве славянской топонимической архаики. Поэтому целесообразно рассмотрение топонимического и, в частности, гидронимического материала в регионах РСЗ и ВП на сходных методологических основаниях.

К настоящему времени нами составлена база данных по современной новгородско-псковской гидронимии РСЗ, насчитывающая более 10 000 имен, отмечаемых в различных источниках XX–XXI вв. Верхнеднепровская гидронимия наиболее полно анализировалась в масштабном словообразовательно-этимологическом исследовании, предпринятом в начале 1960-х гг. В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым [ТТ]. Авторы, опираясь на факт повторяемости речных названий славянского происхождения в западных, центральных и северных районах ВП и учитывая распределение отдельных старых структурных типов (особенно гидронимов на -ля), пришли к убеждению, что «восточ-

¹ При финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 19-012-00120 «Гидронимия исторических новгородско-псковских земель. Структурно-словообразовательное, этимологическое, ареальное и этноисторическое исследование»).

**Регионы гидронимического обследования:
Русский Северо-Запад и Верхнее Поднепровье**

ные славяне продвигались на север и северо-восток и по течению самого Днепра, и по Сожи, и по Десне» [ТТ: 243–244]. Обратившись к многочисленной номенклатуре имен, исследователи предварительно упорядочили всю гидронимию ВП по повторяющимся структурным элементам. В отечественном языкознании это был хотя и первый, но удачный опыт классификации столь большой совокупности гидронимов по тождеству их концовок (формантных частей). Материал черпался из словаря П. Л. Маштакова «Список рек Днепровского бассейна», содержащего более 6 тысяч имен. Примененный авторами способ оказался плодотворным при работе как раз с крупным гидронимическим массивом (в ТТ использовано, пожалуй, не менее 3 тысяч гидронимов из словаря Маштакова), поскольку тождественность формантных частей позволяет обособить и классифицировать относительно небольшие, обозримые группы водных имен, удобные для анализа. В дальнейшем этот подход, усовершенствованный в виде методики обратного словаря, был применен в монографии по гидронимии Правобережной Украины [Трубачев 1968]. Методика обратного словаря, в отличие от метода, использованного в ТТ, предполагает два этапа: сначала осуществляется чисто формальное разбиение материала на обратно-алфавитные, или «рифмованные», сегменты, т. е. на группы водных имен, упорядоченных по тождеству повторяющихся конечных звуков (-ла, -ма, -ца, -ин, -ое, -и/-ы и т. д.), а далее полученные сег-

менты, на самом деле структурно очень разнородные, анализируются с точки зрения тождества формантов, деривации, этимологии, ареала и др. К сожалению, как кажется, несмотря на все преимущества, методика обратного словаря остается мало востребованной, по крайней мере пишущие на гидронимические темы по-прежнему основное внимание обращают на основы, а не на многократно повторяющиеся форманты названий.

Исследование новгородско-псковской гидронимии РСЗ мыслится в определенной степени как дальнейшее развитие обрисованного исследовательского подхода, примененного к иному материалу в ином регионе. Обращусь далее к краткому сравнительному комментарию ряда структурных типов гидронимии РСЗ и ВП, используя в качестве первостепенного источника по гидронимии ВП монографию В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева 1962 г. Такое сравнение позволит обнаружить сходства и различия в функционировании гидронимических структур в двух регионах, рассматриваемых как две части единого пояса ранневосточнославянского расселения — северная (новгородско-псковская) и центральная (верхнеднепровская). Предлагаемый сравнительный обзор, реализуемый в рамках небольшой настоящей статьи, опускает множество деталей и, разумеется, неполон по охвату структурных типов гидронимии, которых в целом набирается более сотни. В частности, ограничусь краткой обзорной характеристикой структурной типологии речных имен с окончанием *-а* (на *-ба, -ва, -га, -да, -жа, -за, -ка, -ла, -ма, -на, -па, -ра, -са, -та, -ха, -ца, -ча, -ша, -ща*). Данный крупный отрезок обратного словаря отличает сугубая «потамонимичность», т.е. почти стопроцентный состав имен рек и речек (не ручьев и не озер), что обеспечивает большую адекватность сравнения с речной гидронимией ВП (как известно, словарь П. Л. Маштакова, использованный в ТТ, включает только речные названия). Кроме того, предлагаемый обзор касается лишь тех образований, которые содержат деривационные форманты суффиксальной и детерминантной природы; соответственно, большое множество речных гидронимов, образованных формантами иных классов (флексийными, конфиксальными, префиксальными и нек. др.) или бесформантных (без изменения формы восходящих к апеллитивам и личным именам), ниже не рассматривается.

-ба. Таких имен в моем материале РСЗ около 30. Если данному исходу предшествует согласный (*Кудьба, Сивельба* и др.), есть основания предполагать наличие в отдельных образованиях форманта, родственного саам. *vioid, uaj, viai* ‘ручей’; ср. *Шужба*, имеющее вариант *Шужбой*. Показательно, что в гидронимии ВП, отложившейся южнее этноисторического ареала финноугров, водных имен на *-ба* практически нет, по крайней мере в ТТ эта группа не выделена.

-ва. В этом среднем по численности сегменте (более 60 имен) присутствуют гидронимы, в которых конечному *-ва* предшествует согласный (*Лидва, Самолва, Лудва*), но обычно гласные *о, е* и, значительно реже, гласный *а*. В первом случае перед нами либо балтизмы с формантом *-ива*, либо, иногда, неясные неславянские образования. Среди гидронимов с гласным перед *-ва* содержатся редкие балтизмы на *-ова, -ава* (*Лазавя, Облава, Обнова*), но обыкновенно

сюда относятся славянские имена, включающие редкие архаические дериваты от апеллятивов с относительным формантом *-ова* (*Пскова, Сокова, Холова*), и — намного чаще — сравнительно поздние отантропонимные дериваты с притяжательным *-ова/-ева* (*Жукова, Хвалитова, Харатьева*). В регионе ВП водные имена на *-ва* показывают в целом такие же как на РСЗ структуры, хотя их зарегистрировано несколько большее число, чем на РСЗ, прежде всего за счет большего процента притяжательных образований. Славянские гидронимы с относительным *-ова* в регионе ВП малозаметны, вероятно, поэтому исследователи не выделили данный старый тип из общего круга образований с суф. *-ов/-ев-*, см. [ТТ: 149, 152, 154–155].

-га. Число таких водных имен на РСЗ около 70, или примерно в 3 раза больше, чем в регионе ВП. Таким образом, в данном сегменте обратного словаря картина весьма отлична от той, какую можно наблюдать в сегменте имен с исходом *-ва*. Повышенная концентрация гидронимии на *-га* на РСЗ обязана фин.-угор. языковому вкладу. Многие трехсложные имена на *-ога, -ега, -ага/-яга, -уга/-юга* отражают формант, соотносимый с фин. *jogi* ‘река’ (*Ютага, Мегрега, Сязнега, Пуяга, Молога*), хотя имеются среди них и редкие балтизмы, по-разному образованные (*Пелега, Вердуга, Выдега*, ср. днепровск. *Ведьга*), и славизмы (*Кривчага, Миага*). В регионе ВП редкие имена на *-га* чаще локализируются на севере — в бассейне Сожи, трактуются только на балт. или слав. почве, см. [Там же: 154, 157–158].

-да. Входящие сюда более 30 гидронимов почти не содержат явных повторяющихся формантов, этот сегмент больше интересен разнообразными архаическими основами, по большей части фин.-угор. и балт. (*Суйда, Суда, Тигода, Лада, Ремда* и др.). В регионе ВП имена на *-да* вовсе не выделены авторами ТТ, возможно, из-за отсутствия среди них особых формантов.

-жа. В отличие от предыдущего, данный «рифмованный» сегмент гидронимии, насчитывающий более 80 имен на РСЗ, характеризуется формантным разнообразием. Ср. наличие в нем имен на *-вжа/-мжа/-бжа/-ужа*, отсылающих к приб.-фин. детерминанту со значением ‘вода’ (*Лемовжа, Пимжа, Полобжа, Мстоужа*), на *-гжа*, ставшего результатом регионального (новг.) озвончения фин.-угор. *-кша* (*Пиогжа, Верегжа*), на *-божа/-бужа*, отражающего детерминант, вероятно, мерянского происхождения, близкий к мар. *важ, вож* ‘корень’ (*Кабожжа, Коробужа*), на *-ожа* из балт. (*Изгожа, Коложа*, ср. лит. речные форманты *-ažė, -ažis*), на слав. *-ша*, озвонченное в *-жа* перед звонким согласным корня (*Любужа*), на др.-рус. *-ижа* (*Балогижжа, Добрижжа*), здесь же водные имена с отражением др.-слав. йотово-посессивного форманта (*Неважжа, Любоежжа*) и др., подр. см. [Васильев 2013]. Что касается региона ВП, то на всем этом обширном пространстве гидронимов на *-жа* отмечено меньше, чем на РСЗ, — всего 54 [ТТ: 54], а на территориях южнее Припяти анализировалось лишь 19 таких гидронимов [Трубачев 1968: 17–19]. Усредненная плотность гидронимии на *-жа*, похоже, возрастает по мере продвижении с юга на север. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев посвятили таким именам один небольшой абзац, отметив гетерогенность исхода *-жа* и принадлежность некоторых имен этого типа к балтизмам [ТТ: 157].

-за. Немногочисленные имена этой группы (всего 13) преимущественно фин.-угор. происхождения. Структура имен индивидуальна, о формантах говорить затруднительно, лишь в *Ильмаза* можно предполагать модификацию приб.-фин. форманта *-с/-кса*, ср. наличие р. *Ильмас / Ильмакса* р. бассейна Паши. В книге ТТ сегмент *-за*, по причине отсутствия достаточного количества фактов, не анализируется.

-ка. Крупнейший сегмент гидронимии РСЗ: доля имен на *-ка* (*Кудебка*, *Барнавка*, *Млевка*, *Луковка*, *Алешинка*, *Черенка* и т. п.) применительно к водотокам (без учета озер) является наивысшей сравнительно с иными структурными типами — свыше 30%. С высокой однородной плотностью речные имена на *-ка* покрывают почти весь РСЗ, но все же заметно меньше их на северо-восточной периферии региона, где сохраняется повышенный процент топонимии приб.-фин. происхождения. Сегмент отличается структурно-derivационным разнообразием. Проведенное мною специальное исследование показало, что примерно 90% всего массива новгородских речных имен на *-ка* содержат простой формант *-ка*, остальные включают сложные форманты *-овка/-евка*, *-инка*, *-енка*, *-анка/-янка*, *-ушка*, *-ейка*. Почти все такие имена сложились в сравнительно поздний, собственно русский период истории (с XV в.), возникновение их остается продуктивным по сей день. Порядка трех четвертей таких водных имен на РСЗ возникли на базе уже готовой топонимии (ойконимии и гидронимии), только одна четверть — первичные отапельлятивные образования. Если сравнивать с регионом ВП, то и в этом регионе водные имена на *-ка* отличаются наибольшей численностью и плотностью, недаром они обстоятельно обсуждены в ТТ. Топоров и Трубачев разбили сегмент *-ка* на множество частных подтипов: *-ка*, *-овка/-евка*, *-увка/-ювка*, *-авка/-явка*, *-ивка*, *-онка/-енка*, *-инка*, *-ынка* и др., всего 26), охарактеризовав каждый подтип. Думаю, столь подробное разбиение излишне, поскольку создает ложное впечатление о том, что в каждом случае речь идет об особом форманте, чего нет в действительности. Обосновать наличие форманта в гидрониме удастся лишь при нахождении лексического мотиватора (имени или аппелятива) этого гидронима, но к поискам мотиваторов для огромного множества собственно русских образований на *-ка* авторы ТТ не обращались и не могли обратиться в силу ограниченности использованных ими источников, не дающих исторического и гидрографически систематизированного материала. На мой взгляд, соотношение структурных типов среди водных имен на *-ка* в регионах ВП и РСЗ в целом сходно, различия относятся к частностям, так, в ВП обнаруживается заметно большее число гидронимов на *-ейка* (что дает основания предполагать для целого ряда имен характерный формант *-ейка* [ТТ: 78–79], хотя, на мой взгляд, чаще следует исходить из последовательности *-ей-ка*), а на РСЗ более функционален сложный формант *-ушка*, повышенная доля которого в новгородской гидронимии связана с усвоением этого элемента языком валдайских карел-переселенцев. В ареальном плане констатировалось резкое возрастание численности водных имен на *-ка* на северном участке ВП — в самых верховьях Днепра и Сожа [Там же: 73, карты 10, 11], ближайшем к региону РСЗ.

-ла. Около 30 имен с этой финалью отличает индивидуализированный характер появления, лингвоэтническая многослойность. Тем не менее заметен ряд приб.-фин. имен с суф. *-la*, *-lä* со значением места (*Антала*, *Горгола*, *Кушела* и др.), отмечено *Ледбола* с вероятным мерянским детерминантом. В регионе ВП данный сегмент не выделен, очевидно, из-за отсутствия должного числа гидронимов.

-ма. Этот сегмент, состоящий из более 40 субстратных имен на РСЗ, труден для словообразовательно-этимологической интерпретации. Финальное *-ма* гетерогенно, статус его как гидроформанта не вполне прояснен. В целом выделяются две группы: двусложные имена с элементом *-ма* перед согласным (*Визьма*, *Кесьма*, *Кудьма*) и трехсложные имена с *-ма* перед гласным (*Ножема*, *Судома*). Для отдельных имен первой группы, находящихся параллели на Русском Северо-Востоке, формантом мог быть древний уральский суф. *-m* (по [Матвеев 2004: 23–24]) или фин.-угор. деноминальный суф. *-mV* (по И. И. Муллонен [2002: 225]); вторая группа более разнообразна: наряду с фин.-угор., чаще содержит балт. (ср. суф. *-at-*, *-ut-* в балт. гидронимии) и слав. факты. Бросается в глаза существенная разница по количеству имен на *-ма* на РСЗ (свыше 40) и на территориях более южных, в частности, для региона ВП, где перечислено всего 9 имен, в которых выделимость форманта *-ма* остается под вопросом [ТТ: 154, 158].

-на. В данном крупном сегменте, насчитывающем без малого 200 водных имен на РСЗ, подразделяются в основном 2 структурных типа: 1) *-на* перед согласным (*Вейна*, *Озерешна*, *Тросна*) и 2) *-ина* (*Добрина*, *Перепружина*, *Ящерица*). Поскольку первый тип возник из адъективов на *-ьн-*, то составляющие его имена иногда соотносятся с адъективами (*Песочна*, ср. *песочная*), но обычно прямого соотношения нет и можно говорить о присоединении старого форманта *-на* (имеющего свою продвинутую, окончательно «гидронимизированную» версию в виде *-ня*), образующего гидронимы от основ, в подавляющем большинстве славянских. Лишь в редких случаях *-на* может наследовать балт. *-in-* (*Шванна*). Более регионален, чем общеслав. *-на*, но не менее древен формант *-ина*, имевший значение относительности и оформлявший слав. (др.-рус. по большей части) отапельлятивны основы и вслед за ними иногда основы гидронимов балт. (*Синчина*, *Удина*) и приб.-фин. (*Ижина*, *Сиглина*). Иной, притяжательный и более поздний тип репрезентируют образования отантропонимные (*Марьина*, *Сидоркина*). В регионе ВП наблюдается примерно такая же, как на РСЗ, картина относительной численности и состава главных структурных типов имен в «рифмованном» сегменте *-на*. Авторы ТТ подробно характеризуют специфику многочисленного типа имен с исходами *-на/-ня*. Второй старый тип речных имен на *-ина*, достаточно представленный в регионе ВП (см. *Березина*, *Деряжина* и др.), они кратко комментируют как не вполне ясные случаи, в которых суф. *-ин-*, по-видимому, не имеет притяжательного характера [ТТ: 120]. Интересно наблюдение о значительном скоплении речных имен с суф. *-ин-* в самых верховьях Днепра [Там же: 121], которое, во-первых, можно предварительно рассматривать южной окраиной более плотного РСЗ-ареала таких гидронимов и, во-вторых, считать намеком на то, что

тип с относительным *-ина* складывался на путях ранневосточнославянского продвижения на север.

-на. Этот минисегмент (менее 10 имен) с точки зрения структуры интересен отражением зап.-балт. детерминанта *ape* ‘река’ в *Жукона* и, возможно, в *Торона*. В ТТ гидронимы на *-на* не рассматриваются.

-ра. Сегмент содержит более 40 разнородных по строению водных имен, зачастую приб.-фин. происхождения. Заметная доля имен-финнизмов показывает структурные типы с детерминантами: *Кумсара*, *Ранцера* с вепс. *sara* ‘разветвление, ветвь (реки)’, *Кезадра*, *Янгера* с приб.-фин. обозначением озера (к *järvi*, *d’jarv* ‘озеро’) и др. Встречаются вероятные балтизмы с суффиксальными формантами *-ера*, *-ара* (*Шамора*, *Жабора*, возможно, сюда же *Вишера*, ранее *Въшера*, ср. иноструктурные лит. *Vieša*, *Viešinta*). Авторами ТТ группа имен на *-ра* в регионе ВП не выделена.

-са. Почти все имена (немногим более 20) в этом небольшом сегменте неславянские, очень разнородные, среди них обнаруживается больше фин.-угор. фактов, в том числе с формантом *-с/-кса* (*Габардукса*, *Худокса*, *Ватрусса*, *Ундроса*), но есть и редкие балтизмы с формантами *-са*, *-еса* (*Клунса*, *Велеса*). Судя по данным [ТТ: 152–153, 155–156], в регионе ВП группа гидронимов на *-са* более представительна (свыше 30 имен), данный сегмент рассмотрен особо, подчеркнута балт. атрибуция большинства составляющих его имен.

-та. Из 40 водных имен РСЗ, образующих данный сегмент, примерно равные части составлены генетическими балтизмами, которые в основном репрезентируют балт. образования с формантами *-ета*, *-ата*, *-ута* (*Сверета*, *Волкота*, *Серута*), финнизмами, как правило бесформантными, единично с формантом *-хта* (*Солохта*) и славизмами, иногда архаическими, на *-ита* (*Поплавита*). В регионе ВП авторами гидронимического исследования [ТТ: 130–133] изложены 20 имен на *-та*, в целом они трактуются как балтийские и старые славянские образования.

-ха. Этот сегмент на РСЗ, составленный почти целиком из имен-славизмов (около 140), заметно более многочислен и разнообразен, чем в регионе ВП. Половина имен на РСЗ приходится на структурный тип *-иха* (*Железиха*, *Ястребиха*), далее по численности следуют типы *-уха/-юха* (*Грязнуха*, *Синюха*), *-оха/-ёха* (*Чертоха*, *Щеберёха*), *-аха/-яха* (*Домаха*, *Селяха*). В [ТТ: 134–136] приведено в 4 раза меньшее число верхнеднепровских гидронимов на *-ха*, анализируются тип *-иха* и «твердые» типы *-уха*, *-оха*, *-аха*, среди которых нет (!) имен с основами на мягкий согласный. Нельзя согласиться с авторами ТТ в том, что в гидронимии суф. *-иха* вторичен, проник из топонимии: на самом деле *-иха* самостоятелен в обоих данных классах имен, более того, на РСЗ топонимия (resp. ойконимия) имеет определенные ограничения в использовании данного форманта, в отличие от гидронимии.

-ца. Львиную долю сегмента на РСЗ — более 90 % — составляют речные имена на *-ца* (*Бродица*, *Логовица*, *Мариница*, *Туловница*), которых насчитывается не менее 300, практически все остальные — это имена с формантом *-ца* (< *-ьца*) после согласной основы (*Ратца*, *Смольца*). В подавляющем большинстве эти типы оформляют славянские основы, но нередко и субстратные

(*Волдомица, Лживица* и др., процент субстратных основ здесь заметно выше, чем в предыдущем сегменте *-ха*). Форманты *-ица, -ца* при оформлении имен малых речек на РСЗ были высокопродуктивны примерно до XVIII в., а позднее их функции принял формант *-ка*, который давал не только много новообразованных имен, но и переформил немало старых имен на *-ица, -ца*. Применительно к региону ВП наблюдаем похожую картину: там имена на *-ица* тоже весьма многочисленны при редкости имен на *-ца*, имеют обыкновенно славянские, а иногда неславянские основы, проявляются повсеместно, со сгущениями в отдельных частях территории, в том числе в самых верховьях Днепра, ближайших к РСЗ, см. [ТТ: 89–93, 98–100].

-ча. Сюда входит три десятка водных имен на РСЗ, в основном субстратных, крайне разнородных, в которых не найти ни одного повторяющегося форманта. Несколько большей регулярностью характеризуется сегмент гидронимов на *-ча* в в регионах ВП и южнее ВП (на Правобережной Украине), где отмечаются имена *Семча, Ловча, Ратча* и т.п.), образованные при помощи притяжательного *-ја* от форм **Сѣмьць, *Ловьць, *Ратьць* и т. п., см. [ТТ: 133–134; Трубачев 1968: 173]. На мой взгляд, больше оснований видеть здесь не притяжательный суф. **-ја*, а вполне сложившийся самостоятельный старый формант *-ча* (ср. тип личных имен-гипокористик на *-ча*: *Кольча < Николай, Ваньча < Иван*). Данный формант имеет показательно ареальный характер: тяготея к ВП, он почти не представлен в топонимии РСЗ. Надо полагать, именно по этой, ареальной причине верхнеднепровских имен на *-ча* в полтора раза больше, чем новгородско-псковских.

-ша. Сюда относится примерно 80 водных имен, разных по структуре и этноязыковой принадлежности. В отличие от сегмента *-ча*, здесь выделяется целый ряд структурных типов, наибольший из них — тип имен, обычно славизмов, с формантом *-уша* (*Бологуша, Глубокуша*), есть еще тип со слав. *-ша* (< *-ъша*) (*Островикуша, Поникуша*), со слав. притяжательным **-ја* (*Негоша, Нунгоша*), с фин.-угор. *-куша* (*Колокуша, Менеккуша*), с отражением приб.-фин. *veši* ‘вода’ (*Меневкуша*) и нек. др. По сравнению с РСЗ, в регионе ВП гидронимов на *-ша* в два с лишним раза меньше, они почти сплошь слав. происхождения и показывают меньшее структурное разнообразие, см. [ТТ: 135–136].

-ица. Входящие сюда 13 гидронимов РСЗ образованы по большей части с притяжательным *-ја* от антропонимии на *-гость* (*Видогоица, Диговоица*), отражая ее былую функциональность на новгородской территории, реже — с формантом *-ица* (< *-ице*) (*Кольчица, Крутица*). В свою очередь, все полтора десятка водных имен на *-ица* в регионе ВП отмечены с *-ица* (< *-ице*) [ТТ: 101].

Проведенный краткий сравнительный обзор демонстрирует два главных различия между речной гидронимией с финалью *-а* регионов РСЗ и ВП в плане структурно-деривационной типологии. Относительно исконно славянских структурных типов различие заключается, пожалуй, в том, что некоторые старые и редкие славянские типы развили на РСЗ дополнительную продуктивность и оказались представлены здесь в более весомом объеме, чем в регионе ВП: речные имена с формантами *-ижа, -ушка, -ина, -ѣха/-оха, -уха/-юха, *-ја*

в сочетании с *-гость* и др. Этот момент, похоже, можно объяснить большей периферийностью РСЗ по сравнению с ВП: позднеславянские и древнерусские явления лучше сохранились и получили большее развитие в периферийном (северном) секторе ранневосточнославянской колонизации. Справедливо замечено, что «как раз максимум разнообразных явлений <...> может наблюдаться (оседать, сохраняться) на периферии ареала» [Трубачев 2002: 357]. В центральном (верхнеднепровском) секторе, освоенном восточными славянами несколько раньше, картина ожидаемо более смазанная: там структурные типы отчасти стерты новообразованиями и/или не получили такого же активного развития, какое нередко наблюдается в зонах дальнейшего расселения. Показательно, в частности, что и в самом регионе ВП гидронимы, репрезентирующие некоторые структурные типы, как старые, так и новые (например на *-ина*, *-ка*), максимально сгущаются как раз на его северной периферии — в самых верховьях Днепра.

Второе существенное различие между регионами РСЗ и ВП кроется в разнице дославянского этноязыкового субстрата. На РСЗ, в отличие от ВП, проживало значительное финно-угорское население, и, следовательно, многие структурные типы обязаны своим появлением и/или более заметным проявлением наличию финно-угорских, прежде всего прибалтийско-финского, этноязыковых стратов, которые практически не выражены в регионе ВП. Именно поэтому на РСЗ большой удельный вес занимают сегменты обратного гидронимического словаря на *-ба*, *-га*, *-да*, *-жа*, *-за*, *-ла*, *-ма*, *-ра*, *-ша*, в которых содержится сравнительно высокий процент субстратных водных имен фин.-угор. происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
- Васильев В. Л. Гидронимия на *-жа* в регионе Русского Северо-Запада (структура, этимология, микросистемные связи, лингвоэтническая принадлежность) // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 7–30.
- Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 369 с. + 32 карты.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Петрозаводский госуниверситет, 2002. 354 с.
- Толстой Н. И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977. С. 37–56.
- ТТ — Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 270 с.
- Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древних славян. М.: Наука, 2002. 489 с.